

Анна Киселева

В СИБИРЬ

Р а с с к а з

— Вставайте. Сейчас Озерки!

Майя заторопилась, но забрать все вещи не могла.

— Давайте помогу.

Проводница взяла тяжелый чемодан. Майя подхватила мешок с постелью, баул с привязанной авоськой и побежала за проводницей по узкому вагонному коридору. Когда проводница открыла дверь, в тамбур ворвалась темная, чужая ночь. У Майи сжалось сердце.

— Как же я?.. — растерянно пробормотала девушка.

— Скорей! — бросила проводница, спрыгивая с подножки едва остановившегося поезда.

Слабый свет фонаря заскользил по черным шпалам, по блеснувшим рельсам. Майя, спотыкаясь, бежала за этим светлым пятном.

— Теперь близко, доберетесь... — проводница на бегу сжала Майе руку выше локтя, и свет фонаря заметался в темноте. Тревожно крикнул паровоз. Вагоны поплыли мимо. Мелькнуло последнее освещенное окно. Еще немного помаячил красный свет, и все исчезло. Майя осталась одна в непроглядной тьме. Уже не стало слышно гудения рельсов, зато Майя услышала печальный шорох мелкого дождя и тревожно — затаенный шум деревьев.

«Лес... — пытаюсь что-нибудь увидеть, подумала девушка. — Как же я?» Она повернулась назад и где-то вверху увидела мутное пятно света. Майя вся потянулась к этому пятну. Но почему вверху? На горе? Как туда подняться с вещами?

В той стороне, куда ушел поезд, блеснул луч. Девушка напряженно следила за ним. Кто-то шел с фонарем. Вспомнились вагонные разговоры о том, что уголовники подались теперь в Сибирь, здесь им при волье. У одной женщины, садившейся ночью в Барабинске, украли чемодан...

Майя дрожала все сильнее. Она хотела бросить вещи и бежать туда, где светилось окно. Но ноги словно пристыли к земле, а невидимый человек был уж близко. Он осветил девушку и прошел мимо. Майя об-

легченно вздохнула. Но человек вернулся, и у девушки помутилось в голове.

— С поезда? — спросил он, останавливаясь и поднимая фонарь. Майя увидела красный околыш фуражки и робко обрадовалась: железнодорожник!

— Да, — сдерживая дрожь, ответила она. — Где здесь вокзал?

— Вокзал вон, — человек качнул фонарем и, осветив вещи, спросил: — Помочь?

Не дожидаясь разрешения, он взял чемодан и пошел в темноту. Майя побежала за ним по крутой деревянной лестнице вверх.

— Откуда? — спросил железнодорожник, не останавливаясь.

— Из Москвы.

— Мм... Куда же едете?

Майя забыла название села и, запинаясь, пробормотала:

— В... в одно село... учительница я.

— А! Верно, только что институт окончили? — его голос потеплел.

Майя доверилась ему и вспомнила название села.

— В Боровское я.

— Нашего района. Не очень далеко, километров сорок.

«Сорок километров!»—ужаснулась Майя, но вслух ничего не сказала.

Железнодорожник открыл тяжелую дверь, и они вошли в тусклое вокзальное помещение, едва освещенное маленькой керосиновой лампешкой, висевшей на стене.

— Отдыхайте. А утром, может, кто подъедет из Боровского,— сказал железнодорожник, ставя чемодан на деревянный обшарпанный диван.

Он ушел. Майя вздохнула и огляделась. На скамье спал мужчина, прикрыв лицо кепкой и свесив руку до самого пола. В углу прикорнула женщина, закутав голову шалью. Майе стало немного стыдно за свой страх, но сделалось еще грустнее. Вон куда заехала: на станции даже нет электричества, до села, где придется жить и работать, сорок километров, а как туда добираться — неизвестно.

И Майя вспомнила родную Москву. Сейчас там только десять часов вечера. Улицы залиты ярким светом. Вспыхивают неоновые рекламы. Горят рубиновые звезды на Кремлевских башнях. Сверкают витрины магазинов. Бесшумным потоком несутся автомобили, а на тротуарах течет отдыхающая вечерняя толпа.

Майя подумала, какой сегодня день? Воскресенье. Батюшки! Как она любила гулять с подругами по вечерней праздничной Москве! Идти в бурном людском потоке, смотреть на радостно оживленные лица и чувствовать себя нарядной, красивой, счастливой! Хорошо-то как! А в театре... Лучше не вспоминать... А дома... что же теперь дома? Папа с Галинкой, пожалуй, ушли в кино. А мама одна сидит в столовой и думает о Майе, перебирает ее старые тетради. Когда старший брат ушел в армию, мама каждый вечер просматривала его тетради и тосковала...

А теперь тоскует о ней вот в эту самую минуту, когда Майя одна-одинешенька сидит в полутемном вокзале на неизвестной станции.

У девушки на глаза выступили слезы. Она смахнула их. Сама виновата. Как просила мать, хоть в деревню, да где-нибудь поближе. Так захотела в Сибирь. Вот тебе и Сибирь! Майя стала оправдываться будто перед кем другим. Она бы не испугалась, да ночь очень темная, и как добираться до места работы, неизвестно, а главное — одна...

Майя прилегла на мешок с постелью, продолжая спорить сама с собой, обвиняя себя и оправдывая, и не заметила, как уснула.

Проснулась она внезапно и села. В окно заглядывало серое, хмурое утро. Лампа, коптя, продолжала гореть, и свет ее был жалким, ненужным. Мужчина уже не спал, а сидел, опершись локтями на колени, и курил. Женщина возилась в своем углу. Все было так мрачно, уныло, от всего, даже от этой непотушенной лампы, веяло такой заброшенностью, неприютностью, что у Майи опять сжалось сердце.

«Уеду домой! Милый дом! Милая мама, моя мама, прости...» — еще сама не зная в чем, попросила она прощения, верно, в своей слабости. Заметив, что женщина на нее смотрит, Майя спросила:

— Скажите, как добраться до Боровского?

— До Боровского? — переспросила женщина, и Майя страстно захотела услышать, что до Боровского вообще добраться невозможно, это послужило бы ей оправданием собственной слабости.

— Поди-ка, посидишь, из Боровского редко кто приезжат.

«Поди-ка» и «приезжат» резанули слух. Чужие люди, чужой говор, отрывистый и резкий, так отличающийся от певучей московской речи.

— Зачем здесь слезла? — вмешался мужчина.

Майя подождала, что он еще скажет, и, не дождавшись, спросила:

— *А где же?

— Надо бы до Повалихи ехать, оттуда до райцентра машины ходят, — помолчав, нехотя добазил: — От райцентра до Боровского всего двенадцать километров.

И опять тишина. «Какие неразговорчивые, неприветливые сибиряки», — подумала Майя. Не спросили, кто она, куда едет. В Москве бы обязательно расспросили. Надо было уехать в Барнаул, в крайно, может быть, оттуда нашлись бы попутчики.

Сразу после распределения Майя списалась с крайно. Ей ответили, что она назначена в Боровскую семилетку. Девушка написала директору школы. Директор-то и посоветовала ей сойти с поезда в Озерках. Надо было дать телеграмму в школу, чтоб встретили на станции, но Майя не захотела беспокоить, думала, сама доберется и вот...

Внутренний голос опять вкрадчиво зашептал: надо вернуться домой... Зачем губить молодость в этой глуши?.. Сорок километров от станции, двенадцать от райцентра, восемьдесят от города!.. Что же там есть в этом Боровском? И какие же там люди? Вот такие суровые, неприветливые сибиряки? А ведь ей придется там жить минимум три года. Три самых лучших года в ее жизни!.. Через три года ей будет двадцать

пять лет! А она еще никого не любила... и кого же она там полюбит?.. Но какие подлые мысли лезут в голову. Почему же подлые? Ведь это сама жизнь...

Завизжала дверь. В вокзал шумно ввалился здоровенный мужчина. На нем похрустывал новый брезентовый плащ, скрипели сапоги.

— Здорово ночевали, граждане! — раскатистым басом приветствовал он пассажиров. — Почему лампу не гасите? Богато живете — днем с огнем.

— А вот и председатель из «Искры», — как будто обрадовалась женщина.

— Из Боровского? — спросил ночевавший мужчина вошедшего.

— Ну, — председатель откинул полу плаща и полез в карман пиджака.

— На лошади?

— Ну. Что надо?

— Вон девоньку надоть увезти, — вмешалась женщина.

Майя зачем-то встала, сжав у груди руки. Приезжий обернулся.. Его быстрые глаза встретились с умоляющим взглядом огромных девичьих глаз.

— В Боровское?

— В школу. Учительница я..

Он сорвался с места и, стуча сапогами, шурша плащом, вывалился за двери. Майя проводила его недоумевающим взглядом и посмотрела на соседней. Они невозмутимо молчали. Девушка хотела их спросить, что это значит, но не успела. Мужчина вернулся в сопровождении маленького старика.

— Вот, Маркелыч, увезешь учительницу, — громыхнул он.

— Пошто не увезти, — мягко отозвался старик, глядя на Майю детскими голубыми глазами.

— Чуть не уехал, — шумно отдуваясь, сказал председатель, опять откидывая полу своего плаща и доставая папиросы.

— Пошто не увезти, — повторил старик. — Давай поклажу-то, а то мне-ка лошадь надо кормить, — обратился он уже к Майе.

— Кормить надо, — подтвердил мужчина, закуривая, и подхватил Майин чемодан. Мужчина, ночевавший в вокзале, взял не спеша дорожный мешок с постелью. Майя в смятении побежала за ними.

У вокзала стояла вороная лошадь, запряженная в тележку. Дождя уже не было, но небо хмурилось. Старик похлопал заскорузлой рукой по свежему селу в плетеной корзине и сказал:

— Садись тутюка, — а сам полез на козлы.

Подошел железнодорожник.

— Удача, — сказал он.

— Чуть не уехал, — отозвался председатель, устанавливая в плетеный чемодан.

— Ты на узел сядь, — посоветовала женщина.

— Как бы дождь не пошел, — поглядывая на небо, сказал железнодорожник.

— Не пойдет, — громыхнул мужчина. — А пойдет — мы плащом прикроемся.

Он смахнул с себя свой гремучий плащ и накинул его на Майю, капюшон закрыл лицо.

— Зачем? Спасибо. Не надо, — смущенно залепетала девушка, откидывая капюшон.

— Надо, надо! В дорогу едешь, — строго сказала женщина.

Председатель, не говоря ни слова, подоткнул плащ со всех сторон и махнул рукой Маркелычу.

— Трогай! К самой школе подвези.

— Пошто не подвезти, — отозвался дед, дергая вожжи.

Лошадь резко взяла с места. Майя, спохватившись, оглянулась.

— Спасибо! До свиданья! — крикнула она.

Люди молча кивали ей головами. Теплое чувство согрело девушку.

Ехали бором. Могучие сосны подступали к самой дороге. Толстые корни, словно змеи, вылезали из-под земли и пересекали дорогу. Иногда с деревьев на плащ сыпались капли и стучали по нему, точно по железной крыше.

Вдруг в лесу будто что-то вспыхнуло. Янтарно засветились светлорыжие стволы сосен с выступившей прозрачной смолой, мягко и радостно блеснула белая кора берез, пламенем вспыхнула листва осин, миллионы дождевых капель засверкали на траве и деревьях.

— Ой, как красиво! — воскликнула Майя.

Дед задрал серую бороденку.

— Солнушко-батюшко, посвяти маненько, дай управиться людям с хлебушком! — попросил он.

Еще долго ехали лесом. Потом деревья сразу отступили, и перед ними раскинулось солнечное раздолье до самого горизонта. И было в этом солнечном неоглядном золотом просторе что-то величественное, торжественное и прекрасное. У Майи захватило дыхание. Почти каждый человек, даже не живший среди природы, чувствует ее дивную красоту. Слово хорошая музыка, волнует она душу человека.

— Хороша уродилась пшеничка-кормилица! — восхищался дед.

Вдали Майя увидела машину. Она двигалась среди полей, словно плыла. Девушка догадалась, что это комбайн — не раз видела в кино. Оттуда доносился мощный гул. Майя обрадовалась этому звуку, как чему-то родному. А дед рассердился.

— Ах, сукины дети! Ведь ишо сыро, а они пустили. Им бы только норму выполнять, а необмолоченный колос уйдет в солому — ничего!

— Это ваш колхоз? — спросила Майя.

— До нас далеко. Это, должно, макрушинские, поганцы.

Он говорил еще что-то, но Майя плохо его слушала. Она жадно смотрела кругом. Полевой дорогой мчались грузовики с хлебом. Вон вихрем пронесся мотоциклист. Вон блеснули на солнце спицы велосипеда. Девушка в светлом платье, с открытой головой и связкой газет и книг на багажнике свернула с дороги к людям.

— Что они делают?

— Не видишь. Солому за комбайном скирдуют.

Пшеничное поле сменилось свекольным, похожим на огромное атласное одеяло. За свеклой к самой дороге подступил веселый лес цветущего подсолнечника.

— Чего ж калининские силос не закладывают?

Среди полей кое-где живописно брошены пятна деревьев, кустарника. Дед называет их колками. Иногда колки подступают к дороге. Среди застарелой зелени берез вспыхивает желтым и красным пламенем осина. Она «чует осень», как говорит дед, раньше всех. А вот какое-то стройное деревце все сплошь осыпано сизо-черными ягодами.

В Москве, когда Майя думала о Сибири, то ей упорно представлялось почему-то нечто темное и холодное. И на самом деле от самого Челябинска шли дожди, было холодно и хмуро. И барабинские степи с кочкастыми болотами и озерами казались унылыми и бедными. Поэтому Майя никак не ожидала, что в Сибири может быть такое горячее и яркое солнце в последние дни августа.

— Дедушка, здесь часто бывает так солнечно?

— А пошто ж не часто? Две недельки дождило, а теперь погодка постоит.

Поднялись на взгорок. И впереди под косыми лучами предвечернего солнца блеснула розовая речка. А за ней в зелени старых берез завиднелись дома.

— Вон и Боровское, — сказал дед, указывая кнутовищем на дома.

Майя так и впилась в них глазами. Дома из толстых смолистых бревен, с большими окнами и резными наличниками, с высокими крылечками, покрытые тесом. Широкие улицы затравенели, а на них просторно разместились старые развесистые березы.

— А вот и школа, — сказал дед, оставившая лошадь перед большим новым домом, весело глядевшим на лужайку шестью большими окнами. Во дворе школы росли могучие сосны, а за школой начинался бор.

— Настасья Степановна, принимай гостью! — крикнул Маркелыч.

От школы спешила высокая, пожилая, но прямая и стройная женщина в белой блузке.

Вечером Майя сидела в ярко освещенной «молнией» столовой директора школы Анастасии Степановны. На встречу с коллегой собрались все учителя. Их было, кроме директора, шестеро, все молодые. Анастасия Степановна, смеясь, говорила, что она, как насадка с цыплятами. Но живая, веселая, с быстрыми энергичными движениями, лучистыми глазами и пышной прической, она казалась чуть не ровесницей своих подчиненных.

Все сидели вокруг стола. Дочь директора Надя разливала чай. Самовар меланхолически шумел. Сначала собравшиеся держались несколько стесненно, присматриваясь к новому человеку, потом все вошло в обычную колею.

Говорили о каком-то мальчике, который с тех пор, как весной ему поручили ухаживать на ферме за телятами, стал лучше вести себя в школе. Он так полюбил работу на ферме, что теперь совсем не хочет учиться в седьмом классе.

— Надо, чтобы обязательно учился,—сказала Анастасия Степановна.

— Зачем? — спросил преподаватель русского языка и литературы, прищурив голубые насмешливые глаза. Майя обратила внимание на его светлые волнистые волосы и черные брови и ресницы — редкое сочетание.

— Он все равно не будет ни учителем, ни врачом, пусть работает,—продолжал Евгений Николаевич.

Остальные дружно напали на него.

— Дикие понятия! — сказала Надя. — По-твоему коммунизм возможен с малокультурными людьми?

Хотя они спорили яростно, но Майя сразу почувствовала, что это дружный коллектив, люди, которым было бы скучно жить друг без друга.

Потом разговор перекинулся на литературу. Заговорили о книге Бубеннова «Орлиная степь». Надя сказала, что героиня романа Светлана не современная девушка. Галина Хмелько — это да! Евгений Николаевич, его все называли просто Женей, усмехнулся и опять прищурил глаза.

— Я бы на такой не женился, — сказал он.

— Нам давно известно, что тебе нравятся мещанки, — кольнула его Надя.

— Светлана мещанка? — удивился Женя. — Откуда это видно? Ты пристрастна. Мы сейчас спросим мнение других. Как вы думаете, мещанка Светлана? — внезапно обратился он к Майе.

Все замолчали и ожидающе посмотрели на девушку. Майя не читала романа. Сейчас ей было стыдно в этом сознаться. Но неловкая пауза длилась всего несколько секунд.

— Женя, ну почему вы хотите, чтоб все любили вашего сибиряка Бубеннова! Надя неправа. Светлана чудесная советская девушка! Но ведь вкусы разные, одному нравится одно, другому другое,— вмешалась Анастасия Степановна. Сейчас она, пожалуй, стала в самом деле немного похожа на наседку, забеспокоилась, насторожилась, боясь, что кто-нибудь в молодой горячности скажет бестактное, обидит ее юную гостью.

— Это верно, вкусы разные, — согласился Женя.— Критика расхваливает пьесу Погодина «Маленькая студентка», а я посмотрел в Новосибирске во время летней сессии и удивился, за что?

—А все-таки «Маленькую студентку» мы поставим нашим драмкружком, — сказала маленькая смугленькая учительница Галя, видимо, руководитель драмкружка.

— Зачем? — оглянулся на нее Женя.

— Мы должны знакомить население с новинками драматургии.

— Кто сказал? Новинки бывают разные. А вы играете на сцене? — опять обратился он к Майе.

— Не приходилось, — поспешила ответить Майя, мучаясь мыслью, что подумал о ней молодой учитель, поняв, что она не читала эту злополучную «Орлиную степь».

— Она будет преподавать математику, играть на сцене, петь, плясать, читать лекции, убирать с ребятами свеклу и кукурузу, ухаживать за теллятами и поможет нам создать школьную «Третьяковку». Не правда ли? — женщина близко заглянула девушке в лицо своими лучистыми глазами — и поверьте, все это очень нужно и интересно. Я ведь сама москвичка... Помню, сначала было трудно...

Она провела маленькой легкой рукой по плечу Майи и выпрямилась. Девушке стало тепло и от близкого взгляда, и от этого прикосновения, и оттого, что эта женщина тоже москвичка.

— Вы ведь не все знаете, что я, коренная москвичка, — обратилась она к молодежи.

— Расскажите, Анастасия Степановна! Расскажите! — слышались голоса.

Анастасия Степановна задумалась.

— И зачем приезжают к нам эти люди, как им здесь трудно! — негромко, но с легкой досадой сказал Женя.

— А как же, если посылают? — спросила одна из девушек.

— А на что посылают? Если бы моя воля, я бы запретил распределять, посылать. Кончил институт, работай, где нравится.

— Все бы и остались в городе, — сказала черненькая Галя.

— Ничуть. Вполне достаточно найдется людей, которые любят сибирскую деревню! — несколько запальчиво сказал Женя.

— Хватит оригинальничать, Женечка! И без того знаем, что ты боровской патриот, — колко сказала Надя.

— Даже зло берет, едут как будто в ссылку...

Майя вспыхнула. А директорша, положив подбородок на ладонь, молча смотрела на Евгения. Глаза ее лучились особенно ярко. Майя еще раньше из разговора поняла, что Евгений Николаевич родился в Боровском, учился у Анастасии Степановны, а теперь учится заочно в Новосибирске на физико-математическом факультете.

— Будет вам спорить. Анастасия Степановна, расскажите, — попросила одна из девушек.

Анастасия Степановна поправила волосы.

— Я приехала сюда не по распределению, просто показалось... что здесь нужней моя работа. Давно это было. Скоро тридцать лет! Тридцать... какая же я старая!..

— И вовсе не старая! — запротестовала Галя.

Анастасия Степановна покачала головой.

— Старая. Да полно, старая ли? Надо, чтоб человек в пятьдесят два года был совсем молодым, иначе жизнь слишком коротка...

— Вот и я думаю... — почему-то взволнованно начал неугомонный

Женя. Но на него шикнули, и он замолчал. Анастасия Степановна грустно и ласково усмехнулась.

— Ну вот, окончила я в Москве педтехникум и приехала в Боровское учительницей начальных классов. А здесь и школы никогда не было. Некоторые ребяташки бегали в Краюшкино за пять километров. И люди были не те. Даже председатель сельсовета малограмотный. Тьма. Самогон. Одиночество. Но даже мысли такой не было — уехать. Как бросишь? Школу открыла. Ребятишки ко мне прилипли всей душой. Хорошие у меня были ребята! Попробуй, оставь их! Учила я их, наверно, плохо. Опыта не было, поучиться не у кого. Помню, книги им читала. Каждый день. И плакали мы всем классом над судьбой Ваньки Жукова и дяди Тома... — она усмехнулась и прищурилась, будто всматриваясь в свое далекое прошлое. Кто-то прерывисто вздохнул.

— Добилась открытия избы-читальни. Прислали избача — комсомольца. Два комсомольца на селе — сила! Организовали ячейку, стали втягивать молодежь. Тут у нас и ликбез, и спектакли, и чтение «Библии для неверующих» Емельяна Ярославского, и стенная газета. Подняли вопрос об организации колхоза. За такие наши дела меня чуть кулаки не ухлопали. Ребятишки помешали. Ну уж эти ребята! Где-то что-то услышали и организовали охрану, так и ходили за мной по очереди, оберегали. Люди-то потом какие выросли! Только почти все мои первенские погибли в Отечественную войну на фронтах...

Оперлась она лбом на ладонь и задумалась. И все молчали.

— А потом что, Анастасия Степановна? — тихо напомнила Галя.

Анастасия Степановна подняла голову и обвела всех взглядом.

— Пютом... организовали колхоз. Школа росла, и мы тоже. Приехала еще одна учительница. Года через четыре мы с избачом поженились. Вместе окончили пединститут. Он тоже стал учителем. Приглашали нас в районное село, потом в Барнаул. Не поехали. Тут-то ведь все наше: и школа, и колхоз, и изба-читальня, и библиотека, и драмкружок, и люди, комсомольцы и пионеры. А потом и парторганизацию создали, стали с мужем коммунистами. Затем родились дети, сибиряки, боровчане, и уж не стало места родней этого...

— В сорок первом году открыли пятый класс. А тут война. Муж ушел на фронт и не вернулся... Так вот и прошли тридцать лет... — Она опять обвела взглядом лица молодых учителей и тряхнула пышной прической. — Каждому человеку хочется за свою жизнь сделать как можно больше...

— Как можно больше... — тихо повторил Евгений, верно, сам того не замечая. У Майи перехватило дыхание.

— Хватит разговоров, — сказала Анастасия Степановна и ласково попросила Евгения:

— Женя, возьмите скрипку, отдохнем от воспоминаний. Спойте нам с Майей «Подмосковные вечера», — она опять заглянула девушке

в глаза. —Вы позволите без отчества? У нас тут все без отчества, кроме меня. Конечно, не в школе.

Евгений достал из футляра скрипку и приложил к плечу. Майя заметила, что у него длинные гибкие пальцы. Подняв смычок, он исподлобья взглянул на девушку. Что было в этом взгляде? Волновался ли он, как примет его игру новый человек? Хотел ли он понравиться?

Звуки любимой мелодии наполнили комнату. Вступил хор. Негромко и задушевно пела скрипка, грустили голоса. Майе захотелось прижаться лицом к плечу рядом сидевшей женщины и заплакать тихими и счастливыми слезами. Боясь этого, она встала и вышла из комнаты.

Девушка остановилась на крыльце. Полная луна посеребрила траву и дорогу. На земле лежали черные тени от деревьев. Чарующие звуки скрипки и голосов проникали из-за неплотно прикрытой двери. Песня говорила о счастье и печали, о радости и грусти. Майя вспомнила, как сегодня утром хотела вернуться домой, и ей показалось, что это было очень давно...
